

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Подростковый возраст: символическая реконструкция, взгляд и нарциссическое равновесие

Руджеро Леви

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Руджеро Леви — бразильский психоаналитик, психиатр, тренинг-аналитик SPPI («Психоаналитическое общество Порто-Алегре»), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации (IPA).

В этой статье исследуются превратности процесса субъективации у подростков в связи с трудностями символизации, характерными для современной культуры. В подростковом возрасте нарциссическая стабильность зависит от реконструкции репрезентаций Я и объектов. Это включает в себя весь процесс символической реорганизации. В статье подчеркивается важность взгляда — возможности видеть и быть увиденным — в этот период, особенно для того, чтобы можно было проделать работу по реконструкции самовосприятия. Для этого будет представлена клиническая виньетка. Кроме того, автор предлагает концепцию особых отношений между «разумом и телом», характерных для этого периода жизни. Наконец, он соотносит этот процесс с современным феноменом блогов в интернете, пытаясь связать его с центральной темой данной статьи, а именно с тем, что этот феномен может служить потребности быть замеченным для завершения самовосприятия.

Ключевые слова: подростковый возраст и нарциссизм, подростковый возраст и символизация, тело подростка и символизация, подростковый возраст и взгляд; подростковый возраст и современная культура.

Введение

Подростковый возраст – это процесс, который, по сути, развивается на пересечении множества границ. Именно поэтому нам необходимо изучать эти границы и узнавать их как можно лучше. Подростковый процесс развивается на границах между психическим и соматическим, внутренним и внешним миром, индивидуальным и семейным, личным и культурным, а также на постоянно присутствующей границе между нормальным и патологическим.

Поскольку наша культура сейчас переживает период больших перемен, когда модернизм сильно пошатнулся из-за воздействия постмодернизма, необходимость понять его влияние на подростковый процесс очень велика. Поскольку подросток является субъектом, переживающим настоящие перемены и находящимся в непосредственном контакте с культурной границей, мы видим, что культурные изменения четко проявляются в нем самом. Мы наблюдаем, что подростковый процесс меняется, начинается раньше времени, продлевается и усиливается. Одним словом, подростковый возраст как будто растягивается, деформируется и перестраивается на наших глазах.

Более того, даже если мы будем изучать подростковый возраст исключительно с внутриспсихической точки зрения, мы можем рассматривать его с разных сторон: с точки зрения процесса сепарации и индивидуации; с точки зрения реактивации прегенитальных влечений и появления генитальных влечений, с последующей реактуализацией эдипова комплекса; и с точки зрения превратностей нарциссизма, как я уже делал в других работах (Levy, 1994; 1996).

В этом тексте я вновь рассмотрю подростковый процесс с точки зрения нарциссизма, на этот раз сосредоточившись на конкретном явлении: символической реорганизации, происходящей в этот период жизни, связанной с тревогами, возникающими в результате этого процесса, и влиянии этой реорганизации на нарциссическую структуру субъекта и точки соприкосновения нарциссизма с нашей культурой.

На основе более детального исследования я попытаюсь показать, что существует особый тип тревоги, характерный для этого процесса символической реорганизации, а именно тревога аннигиляции. Подростковый возраст – и связанный с ним процесс субъективации – как сложное явление не может быть рассмотрен с одной точки зрения. Не существует единой теории или точки зрения, которая могла бы объяснить это настолько сложное событие.

Символическая реорганизация в подростковом возрасте

Человек главным образом развивается в символическом мире (Levy, 2000), что позволило Кассиреру (Cassirer, 1997) сказать, что человека следует описывать не как рациональное животное, а скорее как символическое животное. По мнению Кассирера, главное отличие человека от других видов животных заключается в существовании символической

системы, промежуточной между системой, принимающей импульс, и двигательным механизмом. Мышление представляет собой символическую систему, которая опосредует непосредственную реакцию, как уже говорил Фрейд в статье «Положение о двух принципах психической деятельности» (1911).

«Человек живет в символической вселенной. Язык, миф, искусство и религия являются частью этой вселенной. Эти различные нити сплетаются в символическую сеть, в которой сплетается человеческий опыт... Человек больше не может сталкиваться с реальностью непосредственно, видеть ее лицом к лицу, он может соприкасаться с реальностью только через эту сеть, созданную им самим» (*Cassirer*, 1997, p. 48).

Те же самое происходит и в подростковом возрасте. Этот процесс характеризуется отказом от прежних систем репрезентаций, созданных self (*Cahn*, 1999) на протяжении всего детства, в пользу создания новой системы репрезентаций, которая учитывает новое тело, изменяющееся Я, объекты и мир. В этом мучительном процессе деконструкции и реконструкции системы репрезентаций мы наблюдаем появление новой субъективности в символической вселенной субъекта со всеми вытекающими отсюда процессами изменений.

Но почему в данном случае я не говорю о построении новой идентичности в подростковом возрасте? На самом деле я хочу сосредоточить свое исследование на том, что происходит на метапсихическом уровне, в фантазматическом мире субъекта, и сопровождать вас на пути исследования этого важнейшего процесса символизации, которым является подростковый возраст, а также сделать акцент на особых видах тревоги, которые из него вытекают.

Новое подростковое тело, появившееся в результате полового созревания, с его новыми формами, влечениями и потенциалом, требует от психики необходимости проделать беспрецедентно огромный объем работы. Из-за своего нового тела у подростка появляется ощущение тревожащей странности (*Cahn*, 1999), репрезентацию которой необходимо создать внутри, для того чтобы воссоздать привычное ощущение знания и признания самого себя. Для Пьеры Оланье (2004) символизировать – значит ассимилировать «чужое тело» в заданную систему репрезентаций. Я, конечно, в данном случае имею в виду «чужое тело» в двойном смысле: как инородный элемент, который должен быть ассимилирован, и как биологическое тело, чуждое самому субъекту.

Этот феномен нарушает привычный порядок, поскольку тревожащая странность ощущается как что-то незнакомое как для самого субъекта, так и для его окружения; это объясняет, почему удивленные взгляды окружающих усиливают ощущение странности, которое очень распространено в этот период жизни. По мнению Кан (1999), именно это ощущение чуждости по отношению к себе и другим придает подростковому возрасту глубину и определяет специфику психических трансформаций. Поскольку речь идет о реорганизации системы репрезентаций, представлений о себе и других, о разрушении одной системы и построении другой, то помимо уже упомянутого чувства странности мы также обнаруживаем

присутствие глубинной аннигиляционной тревоги, страха уничтожения и распада и часто сталкиваемся с ощущением неизбежной смерти – именно эту тревогу я хочу рассмотреть в данной работе, как я уже упоминал. Будучи символической конструкцией, самость (self) ощущает в отношении себя угрозу.

В детстве субъект выстроил систему репрезентаций Я и объектов, которая обеспечивала определенную стабильность в отношении самовосприятия. Однако радикальный процесс символической реорганизации приводит не только к потере детства и тела ребенка, но и к потере репрезентаций Я и объектов. Этот опыт вызывает чувство ужаса. Винникотт (1951) говорил нам, что самые серьезные психические страдания появляются тогда, когда мы теряем не объект, а его репрезентацию. В конце этого же текста Винникотт вводит тему негатива в психоанализе, подчеркивая, что при утрате репрезентации единственной возможной реальностью объекта иногда становится его отсутствие: единственное присутствие объекта – это его негатив. Такие люди привязываются к нехватке, отсутствию, а значит, и к страданию как к единственной реальной вещи. Какое отношение это имеет к теме, о которой я говорю? В действительности, столкнувшись с потерей репрезентации себя и ощущением, что они больше не существуют, некоторые подростки часто обращаются к негативу как к единственной ощутимой реальности: страдание, боль, самодеструктивность – все это становится способом существования.

Ранее Ботелла (2002) показал, что травматическая ситуация возникает из-за неспособности субъекта создать репрезентации данного опыта, которые могли бы связать аффекты, вызванные этим опытом. В этом смысле можно сказать, что подростковый возраст становится травматичным, когда субъект не в состоянии воссоздать систему репрезентаций для учета этого нового опыта и терпит неудачу перед лицом этого нового неприсвоенного, несубъективированного опыта.

Я предлагаю гипотезу, которая напрямую связана с вышесказанным: результате этой символической реорганизации в подростковом возрасте неизбежно возникает дефицит ментализации (Marty, 1990; 1992) – в большей или меньшей степени, и тело играет центральную роль в попытках контролировать тревоги, характерные для этого периода.

На этом этапе жизни устанавливается особая связь между психикой и телом, поскольку, с одной стороны, телу требуется новая репрезентация (Aisenstein, 2009), а психика должна будет контейнировать символические репрезентации нового тела, новые эмоциональные переживания, которые оно вызывает, и новое восприятие мира; с другой стороны, ввиду вышеупомянутого дефицита ментализации тело часто должно «контейнировать» несимволизованные эмоции, чтобы предотвратить их выбрасывание в бесконечность внешней реальности (Lutemberg, 2005) и их последующее возвращение в форме галлюцинаций, типичных для психоза. Таким образом устанавливаются отношения «контейнер – контейнируемое», характерные для подросткового возраста. Тело рассматривается как промежуточное пространство между психикой и бесконечной вселенной

(Idem) внешней реальности, когда психика еще не в состоянии символизировать бесконечность нового опыта, возникающего в подростковом возрасте.

Попытка достичь нарциссического равновесия

Несколько своих работ (1966, 1973, 1978, 1989, 1992) Мельтцер посвятил исследованию ментальной географии; другими словами, он изучал ментальные пространства, циркуляцию между ними, их секции, их характеристики, а также их значение в подростковом возрасте. Он стремился изучить различные типы проективной идентификации в объектах, а также их коммуникативные, структурирующие и защитные цели.

В своей книге «The Claustrium» («Клауструм. Исследование феномена клаустрофобии») (1992) Мельтцер описывает последствия этих фантазий для психики. Он различает проективную идентификацию, которая является более адаптивной и коммуникативной, и интрузивную идентификацию, которая менее обратима и при которой человек присваивает объект, превращая его – в своих фантазиях – не в контейнер, а в клауструм, который заключает его в тюрьму. Ситуации, когда в функционировании self доминируют такие фантазии о внедрении, вторжении, ставят под угрозу все чувство идентичности человека. Когда Мельтцер обращается к подросткам, он пишет: «Явление клауструма подсвечивает это изменение в чувстве идентичности, позволяя осознать, что они отличаются не только от тех, кем были раньше, не только по своим психическим качествам, но и по отношению к миру, в котором они живут» (Meltzer, 1992, p. 147).

В другой работе, «Нарциссические убежища в подростковом возрасте» (Levy, 1996), я подробно описываю эти психические пространства и их формирование в подростковом возрасте с присущими им структурирующими и защитными функциями.

Я попытался описать деструктивные аспекты, связанные с этими психическими организациями, и их влияние на психоаналитическую технику, в частности на контрперенос.

Пытаясь защититься от депрессивных, параноидальных и деструктивных тревог и прежде всего от чувства спутанности и деперсонализации, возникающих в результате символического «демонстража» подросткового процесса, который я пытаюсь здесь изучить, подростки физически перемещаются между множеством сообществ (семья, мир взрослых, группа и изоляция; Meltzer, 1979) и между множеством объектов. С помощью более или менее внедряющихся проективных идентификаций части self будут «циркулировать» в пространстве сложной географии, создавая более или менее преходные идентификации с более или менее вредными последствиями для self. Другими словами, по мере того как подростки теряют свою собственную саморепрезентацию, они стремятся «присвоить» себе некий self, некую идентичность.

Следует подчеркнуть, что эти защитные маневры направлены на защиту от вышеупомянутых тревог; но они также направлены – в том подходе,

который я здесь развиваю, — на создание чувства нарциссической стабильности, то есть субъект должен признать себя прежде всего существующим. Как нечто, как некто.

Важность взгляда

В очень интересной статье «Роль матери и семьи в развитии личности младенца» (1975), вдохновленной работами Лакана, Винникотт подчеркивает важность взгляда другого — прежде всего матери — в становлении субъекта. Он утверждает, что предшественником зеркала является лицо матери, и справедливо замечает, что младенцы видят себя, когда смотрят на лицо матери. Мать, которой удастся «взглянуть» на ребенка, уподобляется тому, кого она видит. Ощущения младенца приобретают смысл благодаря лицу матери. Именно в этой игре, в которой субъект показывает себя и на него смотрят, формируется его самовосприятие, которое и станет его собственной «правдой». Этот обмен обогащает, поскольку то, что чувствуется, обретает смысл «в мире видимых вещей». Винникотт добавляет, что, когда матери не могут смотреть на своих детей, последние смотрят на своих матерей и не видят себя. В норме, глядя на мать, ребенок ищет и находит смысл, который должен быть там.

Винникотт предлагает четкую формулу, очень похожую на хайдеггеровское описание конституирования истины бытия: «Когда я смотрю, меня видят, следовательно, я существую» (с. 157). Иными словами, именно в динамике смотреть на другого и быть увиденным зарождается чувство существования/бытия. В близких человеческих отношениях мы видим и находим свою «истину» в лицах других людей. Мы создаем в другом и через другого наше эмоциональное состояние, которое отражается в том образе, который нам показывают.

В книге «Первая помада» (1988) Курню-Жанин рассказывает о ситуациях насилия, выявленных французскими лечебными заведениями, с которыми сталкивались девочки пубертатного возраста в собственных семьях, когда они начинали наносить макияж и представлять себя в более женственном образе. Это происходило из-за тревог, которые они вызывали у своих родителей. Можно было бы сказать, что эти тревоги связаны с инцестуозными либидинальными фантазмами, пробудившимися в родителях, и, возможно, отчасти так оно и было. Однако интересны именно оригинальный взгляд автора, гипотезы, полученные в ходе этого исследования: было замечено, что наибольшую тревогу вызывало то, как девушку видели другие мужчины. Становясь женственной и привлекательной, девушка вызывала желание и притягивала взгляды мужчин. Но последствия были двоякими: с одной стороны, это было фундаментально важно для укрепления женской идентичности девочки, через развитие ее собственных репрезентаций, представлений о себе как о женщине; с другой стороны, это вызывало гомосексуальную тревогу у родителей.

Небольшая клиническая иллюстрация

Чиро обратился за помощью в возрасте 15 лет, потому что испытывал интенсивное ощущение деперсонализации, нереальности, что вызывало приступы тревоги и даже паники, связанные с ужасом потерять свою идентичность и психически утратить себя. У него было ощущение, по его словам, «быть и не быть». Можно сказать, что он сомневался даже в своем материальном, физическом существовании, в том, что его тело занимает какое-то место в мире. Когда он ехал один по городу, он боялся потерять ощущение себя, запутаться, не знать, спит он или бодрствует, видит сон или нет, и таким образом из-за невнимательности или неосторожности совершить какое-то действие, которое может привести к его смерти.

Это привело к фобии, которая обездвижила его, не позволяя ходить в школу, гулять с друзьями и спокойно спать одному по ночам. Он крепко держался за мать, считая, что только она может предотвратить худшее. Он прибегал к самым крайним мерам, чтобы она была с ним 24 часа в сутки. Для Чиро было важно не то, что говорит его мать, а то, что она просто находится рядом и смотрит на него.

Больше всего нас интересует его потребность быть увиденным. Если он не чувствовал, что на него смотрят, он боялся, что перестанет существовать, что его собственное тело перестанет быть видимым. Чтобы быть замеченным, увиденным, он каждый день менял что-то в своей внешности, волшебным образом заставляя свое тело «существовать»: цвет волос, серьгу, пирсинг, бритую голову; словом, он постоянно менял облик своего тела, вызывая удивление окружающих.

То, что на него смотрели с удивлением, успокаивало его, потому что давало ощущение того, что он существует, что он реален. По мере того как ему становилось лучше и он чувствовал себя увереннее, его существование и идентичность обретали новые формы.

Он начал испытывать любопытство, хотел узнать, что способен увидеть взгляд другого. Другими словами, как описывает это Винникотт, он хотел поставить себя на место объекта и посмотреть на себя с его позиции. Самость (self) существует как субъект – то есть у нее есть собственное чувство существования, – но она может принимать себя за объект – то есть занимать место объекта и смотреть на себя (Ogden, 1996). В случае с Чиро очевидно, что это изменение позиции по отношению к объекту приняло довольно интрузивную форму, которая была представлена в работах Мельцера. Чиро, заинтересовавшись фотографией, придумал проект. Он знал одного бездомного, который часто бывал в его районе и с которым он общался. Сначала он спросил, можно ли сфотографировать его лицо; постепенно он приблизился, чтобы сфотографировать только глаза. Затем он дал бездомному свой фотоаппарат и попросил его самого сделать снимки, потому что хотел «увидеть то, что видел Марко».

Он сделал еще несколько интересных работ со своей камерой в одном из бедных районов Порту-Алегри. Он сказал мне: «Я понял, что у этих бедных людей дома нет семейных фотографий». Он начал ходить по выходным в этот район и фотографировать семьи. Он был в восторге от того,

что они его ждали в лучшей одежде. Чиро помогал им развить семейную идентичность через создание визуальной, фотографической репрезентации семьи. Он подарил им их собственный образ. Через свой взгляд, запечатленный фотоаппаратом, он дал им семейную идентичность. Они смогли увидеть себя. Очевидно, что Чиро был чувствителен к потребностям этих людей и к их нехватке семейных репрезентаций, потому что он сам сталкивался с этим. Он также использовал взгляд, в его многочисленных раздвоениях, чтобы попытаться создать репрезентации себя, которые его успокаивали.

Современная культура и вопрос образа

Повторим сказанное в начале: подростковый процесс и психопатология подросткового возраста, имеющие множество границ, постоянно открыты для культуры и находятся в контакте с ней. Постмодернистская культура характеризуется изменчивостью человеческих отношений и новым типом недомогания, отмеченным именно непоследовательностью и хрупкостью отношений (*Baumann*, 2004). В современной культуре мы также наблюдаем кризис и сомнение в функциях власти – в частности, в Бразилии, – ценностей и идеологий (*Cahn*, 1999), а также размывание границ, которое приводит к этической и моральной дезориентации.

Конечно, предыдущие культурные периоды тоже никогда не были потерянным раем, но в них царил определенный порядок, статус-кво, против которого молодые люди восставали, отстаивая идеологию, дающую им четко определенную идентичность.

Раймонд Кан (*Cahn*, 1999) дает четкое описание некоторых конфликтных полюсов современного подросткового возраста: все более полная свобода нравов против все более строгих требований в плане навыков; поощрение потребления все более привлекательных товаров против растущих трудностей в их получении; раскрепощение сексуальности в поведении против все большего отдаления от супружеской жизни и родительства. Эти полярности конфликта, лежащие в основе зачастую неразрешимых тревог, часто приводят к патологическому поведению. К этим полярностям конфликта добавляется семейная ситуация, в которой молодые люди сталкиваются с трудностями своих родителей в распознавании и установлении границ между полами, поколениями, «правильным» и «неправильным», истинным и ложным. Более того, эти современные родители часто разделяют с подростками то же чувство неуверенности в будущем, неустроенности, материального неблагополучия и сомнения в институтах.

Столкнувшись с тревогой, вызванной потерей самопрезентаций, подросток укрывается во внутреннем мире, чтобы попытаться восстановить их. Но в то же время он прибегает к внешним объектам, которые использует как зеркала, помогающие ему воссоздать свой собственный образ, отразить нечто, что руководит им, будь то прекрасный образ или отталкивающий, но все-таки образ. С другой стороны, в описываемом нами случае подросток смотрит на объект, и тот отражает его, путаясь в образе

взрослого и молодого человека, которым он является; фактически он не может определить, является ли то, что он видит, истинным или ложным, хорошим или плохим; что еще хуже, иногда никакой образ не отражается, потому что родители не могут «увидеть» своего ребенка, погружая его в пустоту небытия.

Эта неспособность символической реорганизации построить самовосприятие, обеспечивающее нарциссическую стабильность, приводит к незавершенности процесса субъективации и, как следствие, к нарциссическим патологиям, влияющим на поведение и тело (делинквентность, анорексия, булимия, наркотики и т. д.). Нарциссические защиты стремятся исправить неадекватность психической проработки (Cahn, 1999).

То, что мы описываем, проиллюстрировано в одном из номеров (Askolovitch, 2006) французского журнала «Le Nouvel Observateur», где было опубликовано исследование под названием «Вся правда о жестокости в среде молодежи – когда удары заменяют слова». Название говорит само за себя, но содержание работы касается именно замены символического на поведенческое, проявляющейся у французских подростков. Более конкретно, автор описывает недостатки процесса субъективации (о которых говорилось выше), то, как они выражаются в поведении и в какой степени молодые люди нуждаются в помощи для построения образа себя. В этом материале описываются бесчисленные акты насилия, совершенные молодыми людьми по всей Франции (Ницца, Орлеан, Орли, Париж и т. д.). Эти акты насилия имеют некоторые общие элементы и бывают всех типов: сексуальные, физические и т. д., без какого-либо реального осознания того, что было сделано. Можно привести пример группы подростков 13–14 лет из Ниццы, участвовавших в акте группового насилия, которые, несмотря на сексуальное насилие, не увидели в этом проблемы, потому что девушку не били...

Еще один элемент, общий для множества подобных насильственных действий – наиболее яркий для описываемого мной случая, – это то, что происходящее фотографируется или снимается на мобильные телефоны. Эта практика уже получила название «счастливая пощечина» («happy slapping»). Другими словами, агрессоры являются главными героями, протагонистами в снятых фильмах, как будто им необходимо запечатлеть свой собственный образ в акте насилия. Повторю сказанное ранее: это представляет собой нарциссическую попытку построить самовосприятие, включая обращение к реальному внешнему образу и насилию как положительному доказательству своего существования. Разрушительность – это, похоже, единственная часть их Я, которой они обладают. Мишель Редон, заместитель прокурора в суде Ниццы, отмечает: «У этих молодых людей создается впечатление, что изображение – это единственный способ существования перед лицом ощущения небытия. Жертва становится статистом в их фильме, она нереальна. Для них самое важное – иметь возможность показать, используя образ в качестве доказательства, что они являются мужчинами».

Есть еще один элемент, свидетельствующий обо всем этом, – присутствие интернета в жизни современного подростка и особенно всех

существующих сегодня социальных сетей, где молодые люди выкладывают в сеть свои фотографии, а также фотографии своих родных и друзей. Тысячи и тысячи молодых людей подключены к этим сетям, и они выставляют себя, своих друзей и свои семьи на всеобщее обозрение. Разве это не похоже на то, что делал Чиро с семьями из бедного района Порту-Алегри? Это явление выглядит как способ показать себя и быть замеченным и, самое главное – проявить себя. Мы знаем, что это способ облегчить чувство одиночества, которое так часто встречается в подростковом возрасте и в нашей культуре в целом. Во многих отношениях наша культура переживает ряд явлений, очень похожих на те, с которыми сталкиваются подростки (и именно поэтому она не предоставляет им никаких средств для контейнирования): одиночество, потеря ориентиров, диффузия идентичности, использование тела, отреагирование (acting) и так далее.

В социальных сетях привлекает внимание то, что там очень часто можно увидеть молодых людей в нижнем белье или полуобнаженными, в позах, напоминающих знаменитостей или проституток. Фотографии обнажающихся молодых людей часто путают с фотографиями предлагающих себя проституток. Даже девочки, достигшие половой зрелости, выставляют себя в нижнем белье напоказ перед одноклассниками через веб-камеры. Я думаю, что в культуре нарциссизма, где образ возведен на престол, где поверхностные ценности предпочтительнее более глубоких, эстетика – этики, культ образа предлагается как попытка усилить ощущение существования в качестве субъекта, часто путем обнажения собственного тела, что как раз и привлекает внимание. Формула Винникотта «меня видят, следовательно, я существую» занимает это виртуальное пространство постольку, поскольку отношения с реальными объектами, как мы уже отмечали, очень изменчивы. «Знаменитости» рождаются и исчезают со скоростью интернета. Они мгновенно создаются практически из ничего: достаточно появиться в парламентской комиссии по расследованию, мыльной опере или просто в реалити-шоу. Таким образом, винникоттский афоризм превращается в «Я симулякр знаменитости, следовательно, я существую».

Заключительные комментарии

В процессе пубертата подросток стремится, помимо прочего, к нормальной символической реорганизации, то есть к реконструкции репрезентаций Я и объектов, необходимой для создания новой субъективной конфигурации, обеспечивающей нарциссическую стабильность в конце подросткового возраста. Мы находимся на территории нормального нарциссизма: субъект может посмотреть на себя и сказать: «Я существую, это я». Однако – раз уж мы заговорили о границах – когда этот процесс субъективации не удастся, единственным способом существования для субъекта становится обращение к нарциссическим решениям, которые уже относятся к области психопатологии. Прежде всего, эти решения позволяют молодым людям уверить себя в том, что они действительно существуют.

Эти нарциссические убежища, которые должны быть преходящими, часто становятся консолидированными структурами.

К концу подросткового процесса эта символическая реконструкция Я, предпринятая субъектом, должна быть в состоянии обеспечить его образами себя и своих объектов, которые не только дают ему спокойствие по поводу его существования, но и обеспечивают ощущение ясности и стабильности в отношении себя. Благодаря этой символической реконструкции должны быть созданы репрезентации объектов субъекта, которые служат ориентиром. Согласно Мельтцеру (*Meltzer, 1979*), это объекты для вдохновения. Для того чтобы личность была правильно структурирована, эта реконструкция должна дать ответы на следующие вопросы: «раз я существую, то кто я? кому принадлежит это тело? каковы мои объекты и какой цели они служат?» Если образ себя оказывается слишком диссоциированным, тревоги слишком интенсивными, а образы объектов слишком расщепленными, заряженными ненавистью или другими тревожными эмоциями, этот процесс будет нарушен. Другими словами, если субъект обращается к своим реальным объектам и не находит отношения, способствующего этой символической реорганизации, не находит взгляда или находит взгляд, который усиливает замешательство, риск патологических нарциссических последствий очень высок. В поисках нарциссического самоутверждения тело может стать чрезмерно сверхинвестированным, как либидо, так и деструктивностью; или же объект может быть отвергнут, поскольку его признание может спровоцировать чувство аннигиляции самости.

Я надеюсь, что мне удалось достаточно ясно изложить важность процессов символической реконструкции в подростковом возрасте, их связь с важностью взгляда, ролью тела и тем, как это происходит в нашей культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Askolovitch C.* (2006). «La vérité sur la violence des jeunes – Quand les coups remplacent les mots». Le Nouvel Observateur. Numéro 2168, du 24 au 31 mai.
2. *Botella C. e S.* (2002). Irrepresentável: Mais além da representação. Porto Alegre, Sociedade de Psicologia. Criação Humana.
3. *Cahn R.* (1999). O adolescente na psicanálise – a aventura da subjetivação. Rio de Janeiro. Companhia de Freud.
4. *Cassirer E.* (1997). Ensaio Sobre o Homem. Ed. Martins Fontes. São Paulo.
5. *Castoriades-Auglanier P.* (2004). La violencia de la interpretación: del pictograma al enunciado. Buenos Aires, Amorrortu.
6. *Cournut-Janin M.* (1988). Le premier rouges à lèvres ou La peur de la féminité chez les parents de l'adolescente. La Psychiatrie de l'enfant. Vol. XXXI, 2/1988. P. 301–311.
7. *Levy R.* (1994). As relações amorosas na adolescência. XVII Jornada Sul-Riograndense de Psiquiatria Dinâmica, Gramado.

8. Levy R. (1996). Refúgios narcisistas na adolescência: entre a busca de proteção e o risco de destruição – dilemas na contratransferência. *Revista Brasileira de Psicanálise*, 30(1), 1–18.
9. Levy R. (2000). Do símbolo à simbolização. Mémoire présenté en janvier 2001 en vue de l'obtention du titre de membre de la Société Psychanalytique de Porto Alegre.
10. Meltzer D. (1979). *Os Estados Sexuais da Mente*. Ed. Imago, Rio de Janeiro.
11. Meltzer D. (1992). *The Claustrophobia – An Investigation of Claustrophobic Phenomena*. The Clunie Press for The Roland Harris Trust Library.
12. Ogden T. (1996). *Os sujeitos da Psicanálise*. São Paulo. Casa do Psicólogo.
13. Winnicott D. W. (1975). *Objetos transicionais e fenômenos transicionais*. In: *O Brincar e a Realidade*. Imago Editora. Rio de Janeiro.
14. Winnicott D. W. (1975). *O papel da mãe e da família no desenvolvimento emocional infantil*. In: *O Brincar e a Realidade*. Imago Editora. Rio de Janeiro.

Adolescence: symbolic reorganisation, the gaze and narcissistic balance

Ruggero Levy

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Ruggero Levy, a Brazilian psychoanalyst, psychiatrist, SPPA («Sociedade Psicanalítica de Porto Alegre») training analyst, and head of the International Psychoanalytic Association (IPA) Working Group Coordination Committee.

Summary: This article explores the vicissitudes of the subjectivation process in adolescents in relation to the difficulties of symbolisation characteristic of contemporary culture. In adolescence, narcissistic stability depends on the reconstruction of representations of self and objects. This involves the whole process of symbolic reorganisation. The article emphasises the importance of looking – seeing and being seen – during this period, and the extent to which the work of self-image reconstruction is based on it. To this end, a clinical vignette will be presented. In addition, the author proposes the concept of a special relationship between "mind and body" characteristic of this period of life. Finally, the author relates this process to the contemporary phenomenon of blogging on the Internet, attempting to relate it to the central theme of this paper, namely that this phenomenon can serve the need to be noticed in order to complete self-perception.

Keywords: Adolescence and narcissism, adolescence and symbolisation, adolescent body and symbolisation, adolescence and the gaze; adolescence and contemporary culture.